

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЖЕНИХ

АНАСТАСИЯ
ГРАДЦЕВА

Моей СЕСТРЫ

Анастасия Градцева

Жених моей сестры

«Автор»

2024

Градцева А.

Жених моей сестры / А. Градцева — «Автор», 2024

— Убери руку, — прошу я. — Нам нельзя... Яр молчит и продолжает гладить большим пальцем мое запястье. — Пожалуйста! Не трогай меня!— Покажи мне, что ты против. Покажи так, чтобы я поверил. Пока мне кажется, что тебе все нравится. Да, мне нравится, когда он меня трогает. Это разве преступление? Хотя... в нашем случае да. Я очевидно сошла с ума, когда влюбилась так сильно в того, кто через месяц женится на моей сестре.

© Градцева А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Темно-лазурный	5
Глава 2. Карминный	9
Глава 3. Серо-зеленый	13
Глава 4. Кобальтовый	17
Глава 5. Берлинская лазурь	21
Глава 6. Угольно-черный	25
Глава 7. Золотисто-желтый	29
Глава 8. Алый	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анастасия Градцева

Жених моей сестры

Глава 1. Темно-лазурный

Мне очень нужен красивый парень, похожий на греческого бога.

Нужен прямо сейчас!

В крайнем случае через неделю. Дольше просто уже нельзя тянуть.

Я закрываю сайт очередного модельного агентства, потому что это все не то. Там слишком сладкие и неестественные лица, а мне нужна такая солнечная красота, чтобы ее действительно можно было назвать неземной. Мне нужно вдохновиться! Иначе какой вообще смысл в том, чтобы рисовать с натуры?

Я подхожу к окну, чтобы раздвинуть шторы, а то в комнате уже стало слишком слишком темно, но едва отодвигаю в сторону ткань, как тут же замираю, оглушенная и замороженная.

На нашей веранде стоит парень. И он так хорош собой, что куда там всем греческим богам вместе взятым! Мой взгляд выхватывает какие-то отдельные детали: высокий рост, иссиня-черные, взлохмаченные от ветра волосы, широкие плечи, обтянутые дорогим пиджаком, идеально-правильное лицо, кривящиеся в задумчивой усмешке яркие порочные губы. Но дело даже не в этом, а в дикой энергетике, которая исходит от этого человека. В его темной, но невозможно притягательной силе.

Плывать мне на греческого бога и на мою прошлую задумку, потому что сейчас я хочу писать вот этого парня! И только его! В форме римского легионера, с мечом в руке и с той самой усмешкой, от которой у меня по спине бегут мурашки.

Я торопливо выскакиваю из комнаты и прямо так, босиком, бегу на веранду, совсем не думая о том, кто он такой и что я ему скажу. Это совсем на меня непохоже, я всегда очень осторожна и осмотрительна, но сейчас мне так страшно, что модель моей мечты уйдет и я больше никогда его не увижу, что я будто схожу с ума.

Вылетаю на веранду, холодные доски студят ноги, а ветер продувает меня насквозь. Но это неважно, ведь этот парень все еще стоит тут.

Он вопросительно поднимает бровь, когда меня видит, и я выпаливаю:

– Здравствуйте! Я Анна. Анна Левинская. Вы, наверное, к папе пришли! Я...

– Привет, – его губы вежливо улыбаются, но взгляд синих, *темно-лазурных* глаз остается холодным и непроницаемым. – Получается, ты сестра Лёли?

– Да, – я не очень понимаю, при чем здесь моя старшая сестра.

Но тут он протягивает мне руку и насмешливо представляется:

– Ярослав Горчаков. Можешь называть меня Яром, мы все-таки будущие родственники. Я жду Лелю, она должна скоро подъехать. Чтобы вместе с ней зайти в дом, ну понимаешь. Чтобы было все, как полагается.

Он красноречиво приподнимает брови, как бы показывая этим, что он на самом деле думает о таком идиотском следовании правилам хорошего тона, но мне уже неважно. Я замечаю шикарный букет, небрежно брошенный на скамейку, вижу блеснувшее на пальце тонкое кольцо из белого золота (помолвочное! У сестры такое же!) и растерянно спрашиваю:

– Сегодня что, пятница?

– Да.

Точно. Я помнила, что в пятницу у нас знакомство с Лелиным женихом, но совсем забыла, что пятница – это сегодня. Так вот почему мама стучала в комнату и говорила, чтобы я переделалась к ужину.

Значит, вот это и есть избранник моей старшей сестры.

Красивый. Очень красивый.

Интересно, Леля разрешит мне его нарисовать? Или, как в детстве, будет топтать ногами и визжать, чтобы я убрала свои кривые лапы от ее игрушек?

Я слышу шум подъезжающей машины, молча разворачиваюсь и ухожу до того, как откроются ворота, потому что у меня нет ни малейшего желания встречаться с Лелей. Вообще-то она Лена, но ее все называют Лелей, включая наших родителей.

У себя в комнате я нехотя сбрасываю заляпанные масляной краской штаны и футболку и достаю из шкафа платье. Нарядное, черное, дорогое и ужасно мне не идущее. Но у мамы, к сожалению, нет вкуса – с этим ничего не поделаешь, а мне самой на одежду плевать.

Абсолютно плевать!

Но все же жаль, что другого приличного платья у меня нет.

Я снова подхожу к окну.

Шторы все еще неплотно закрыты, и я вижу, как моя красавица-сестра в своей короткой шубке изящно выскальзывает из машины и целует своего жениха совсем не платоническим поцелуем. Кажется, она готова его съесть, и ее нельзя за это винить. Он и правда невероятно хорош. И даже показался мне милым, в отличие от большинства Лелиных друзей.

Они о чем-то говорят, смеются, и я не удерживаюсь от любопытства и осторожно, стараясь не шуметь, приоткрываю окно.

– ...точно твоя сестра? Вы вообще непохожи.

Во рту появляется неприятная горечь.

Ну да, это так. Леля – шикарная блондинка с аппетитными формами, а я... Я просто я. Темноволосая, тощая, неинтересная.

Я же художник, я умею видеть красоту. И прекрасно вижу, что ее во мне нет ни грамма.

Понимаю, что надо бы закрыть окно, но не могу. Смотрю через щелочку в шторах, как Леля прижимается грудью к своему жениху, и слышу ее неприятный смех.

– Не ты один в этом сомневаешься, Ярик! Я в детстве реально была уверена, что ее подбросили. Нюта у нас странная, я же тебя предупреждала.

– Странная – не то слово. Выскочила, вытаращила на меня глаза, вся перепачканная в чем-то. Потом спросила, какой сейчас день недели, и убежала.

– Типичная Нюта! – хохочет сестра. – Ты еще не в курсе, но она у нас типа талантливая!

– Это такой синоним к слову «двинутая на голову»?

– Ахаха, точно! И знаешь, что еще бесит? Она все время ноет, что ее не признают, что ей тяжело с нами живется, что ей нужны деньги на самых дорогих репетиторов, чтобы поступить куда-то там... Родители, конечно, дают, но это ведь бесполезно, Ярик! Когда в голове пусто, никакие репетиторы не помогут!

– Я не ною, – яростно шепчу я. – И никогда никому не жалеюсь! Дура ты. Дура...

– Да забей ты на нее, солнышко, – лениво, с чувственной хрипотцой говорит тот, кого я еще десять минут назад мечтала нарисовать. – Ясно же: она просто тебе завидует. Ты умница и красавица, а она...

Я захлопываю окно с грохотом, и мне плевать, что они меня услышат.

Отличный выбор, сестра! Этот жених идеально тебе подходит! Он такой же мерзкий, как и ты. Вместе вы составите самую самодовольную в мире ячейку общества!

Внутри меня все кипит от злости, но почему-то через несколько минут на листе бумаги появляются набросанные несколько штрихами высокие скулы Ярослава Горчакова, жесткая линия его губ и опущенные длинными ресницами глаза. Он смотрит на меня насмешливо. С моего собственного рисунка! Неслыханная наглость!

Я мстительно рву его на мелкие кусочки и отправляю в корзину.

Дверь в мою комнату неплотно прикрыта, поэтому я отлично слышу, что происходит в прихожей. Слышу, как щебечет Леля, как ахает и благодарит за букет мама и как весело басит папа:

– Наслышан, наслышан о вас, Ярослав Сергеич. Рад наконец лично познакомиться.

– И я очень рад, – слышу я его низкий, уверенный голос. – Ваша дочь – настоящее сокровище.

Я кривлю губы. Кошмар, какая пошлость! Хотя... Если учесть, что Леле после свадьбы отойдет генеральный пакет акций папиного завода, то она и правда сокровище. За меня бы тоже что-нибудь дали, я уверена, но точно не завод. Я, в отличие от Лели, не окончила с отличием школу с углубленным изучением иностранных языков, не получила степень МВА в Колумбийском университете и не выгляжу как топ-модель. Ясно, кто здесь дочка, которой можно гордиться, а кто так, неразумение. Так что все вполне логично.

– Смотри, чтобы не украли твое сокровище! – несмешно шутит папа и тут же сам над этим смеется. – Ну пойдемте. Стол уже накрыт. Лель, покажи жениху, где руки можно помыть.

Я закрываю дверь и начинаю переодеваться к ужину. В то самое нарядное черное платье, в котором моя бледная кожа приобретает синюшный оттенок, а руки, торчащие из широких рукавов, кажутся еще тоньше. Волосы я небрежно убираю назад, скручиваю в пучок и вместо шпильки скрепляю его валяющимся тут же карандашом. Выйти к ужину с распущенными волосами – слишком смелый плевок в лицо семейным традициям и правилам. Тем более что я опаздываю, родители и так будут недовольны. Но тем не менее я все равно открываю ноутбук и быстро ввожу в строку поиска имя Ярослава Горчакова. Интересно, правда ли он такой идеальный, каким кажется? Я листаю интернет-страницы и очень быстро понимаю, что нет. Далеко нет. Но, видимо, достаточно того, что он сын владельца НДК, корпорации, которая занимается цветными металлами и инвестированием. Это перевешивает все остальное.

Я вздыхаю и плетусь в гостиную, хотя идти туда у меня нет совершенно никакого желания. В тот момент, когда я вхожу в комнату, мама как раз разливается соловьем, стоя около огромной картины на всю стену, где нарисованы мы с Лелей маленькие. Конечно же, в белых бальных платьях и с кудряшками. У нее светлые, у меня темные. И плевать художник хотел на то, что у меня кудрей никогда в жизни не было. Пожелание заказчика – закон.

Ну а рама у картины, разумеется, вся в золоте, как в Эрмитаже. Я уже говорила, что у меня есть большие вопросы к маминому вкусу?

– Это Леленька и Нюта в детстве, – мама умиленно улыбается, глядя на картину, и поэтому даже не видит, как я вхожу в гостиную. – Такие хорошенькие, правда?

– Настоящие маленькие принцессы, – с безукоризненной вежливостью отвечает ей Ярослав и улыбается маме. – У вас очень красивые дочери.

Его взгляд в этот момент останавливается на мне, и я снова поражаюсь тому, каким холодом веет от его глаз. Особенно на контрасте с дружелюбной улыбкой на красивых губах.

– Всем добрый вечер, – бормочу я, чувствуя себя какой-то лишней.

– Нюта, почему так поздно, – недовольно хмурится папа, – стол давно накрыт, только тебя ждем. Познакомься с Ярославом! Ярослав, это наша младшая...

– Мы уже знакомы, виделись перед домом, – с легкой, едва уловимой насмешкой перебивает он папу и протягивает мне ладонь. – Та самая Нюта, верно? Будущий великий художник?

В его голосе сквозит неприкрытая ирония.

– Анна, – отвечаю я, не принимая руки, хотя мне вдруг иррационально хочется коснуться его. Интересно, у него горячие или холодные руки? – А вы тот самый Горчаков, да?

– Тот самый? – выгибает он бровь, словно ожидая, что я продолжу и объясню, что имею в виду, но я скромно улыбаюсь и иду к своему месту за столом, рядом с мамой.

На противоположной стороне сидят Леля и Ярослав, вместе, как счастливая парочка, а папа по традиции садится во главе стола. Он вообще обожает традиции и любит чувствовать себя аристократом.

Нам приносят порционные закуски. Леля почти ничего не ест, зато разливается соловьем, рассказывая, какой молодец ее Ярик, какой он ответственный и совсем не похожий на тех, кто прожигает папочкины деньги по клубам и Мальдивам.

– Да, – кивает папа важно, – таким в нашей семье не место, это точно.

Я молчу.

Нам приносят утку с брусничным соусом. Ярослав легко и красиво управляется с приборами, успевая при этом рассказать про историю их знакомства с Лелей.

– Я сразу понял, – говорит он, нежно касаясь ее руки, – что это навсегда. Что Леля – моя судьба.

– Да, – умиленно говорит мама, и кажется, что она вот-вот расплачется, – настоящая любовь может быть только такой. Я, когда встретила Сашу, сразу почувствовала, что он мой будущий муж. Человек просто это знает сердцем, и все!

Я молчу.

Нам приносят десертное вино, фрукты и пирожные, Ярослав с видом победителя расслабленно откидывается на спинку стула и обводит взглядом нас всех, явно уверенный в том, что испытание семейным ужином он прошел.

– Может быть, – обаятельно улыбается он, – ко мне есть еще какие-то вопросы?

Он смотрит на папу, тот с ответной улыбкой качает головой, тянется за бокалом, видимо, планируя предложить тост за будущую молодую семью, и вот тут я не выдерживаю.

– У меня есть вопрос, – говорю я.

– Да? – Ярослав снова улыбается, господи ну какой же он красивый, это просто нечестно со стороны природы дарить кому-то такое лицо. – Это даже интересно. Я слушаю, *Нюта*.

– А вы правда так напились в прошлом году, что разбили двери клуба, попали в отделение полиции и отец грозился лишить вас наследства? – невинно спрашиваю я. – Или в светской хронике опять все переврали?

Глава 2. Карминный

Щеки сестры моментально становятся малиновыми, она вообще очень быстро краснеет. Лена уже набирает воздуха, чтобы мне ответить, но на ее руку вдруг успокаивающе ложится ладонь Ярослава, и сестра замолкает, так ничего и не сказав.

Он же смотрит на меня и дружелюбно улыбается, но в ледяных синих глазах нет и намека на улыбку.

– Приятно, что я тебя настолько заинтересовал, что ты изучала обо мне сплетни в сети, – говорит он небрежно.

– Про полицию тоже сплетня?

– В полицию тогда попал мой друг, а я просто поехал с ним, чтобы ему помочь.

– Помогать друзьям – это хорошо, – соглашается мама, вступая в разговор и пытаясь увести его в безопасное русло.

– А двери клуба тоже ваш друг разбил? – ядовито спрашиваю я, не желая сдаваться.

Уж слишком бесит этот высокомерный взгляд.

Папа хмурится.

– Нюта... – говорит он с явным предупреждением. – Заканчивай. Что ты тут устроила?

Я медленно выдыхаю.

Я не знаю, почему меня это все так сильно раздражает. Я обычно спокойно отношусь к жизни сестры и ко всем этим семейным делам – мне просто плевать на них. А вот сейчас почему-то задело. Может, потому, что впервые у сестры появилось то, чего у меня никогда не будет? Вот такого высокого, широкоплечего, синеглазого, до крайности самоуверенного... придурка.

Он абсолютно точно придурок и вдобавок лицемер.

– Что такое, Нюта? – снова улыбается мне Ярослав, и в его тоне я слышу едва уловимую насмешку. – Думаешь, я такой плохой? Так сильно переживаешь за сестру?

– Да она просто завидует, – не выдерживает Леля. – Мелкая завистливая дрянь!

И это неожиданно ранит меня так, что я сначала вздрагиваю, а потом до боли стискиваю зубы, чтобы не показать, как меня это задело.

Одно дело – слушать оскорбления от сестры один на один, я к этому с детства привыкла и уже даже не обращаю на них внимания, и совсем другое – вот так, при родителях и практически незнакомом человеке...

– Девочки, – тут же вступает мама, все еще пытаясь спасти этот вечер, – не ссорьтесь, вы же сестренки.

Господи, как же я ненавижу эту фразу! До глубины души ненавижу. Сразу начинаются флешбеки из детства, когда отбирать игрушки, толкать меня или обзывать начинает Леля, а помириться и успокоиться предлагают почему-то нам обеим. Прямо как сейчас.

«А что я вообще тут делаю?» – вдруг приходит мне в голову. – «Зачем сижу тут, на семейном ужине, если я никогда по факту не ощущала себя частью этой семьи? Зачем я пытаюсь кому-то что-то доказать?»

Я встаю и с грохотом отодвигаю стул.

– Конечно, я тебе завидую, Лель, – ровным голосом говорю я, – мне будет сложно так удачно выйти замуж, за меня ведь не дают в качестве приданого целый завод.

– Ах ты...

Разъяренная Леля вскакивает и швыряет в меня бокал с вином. Я еле успеваю отклониться, и он ударяется в стену, расплескав вокруг себя фонтан мелких осколков и брызг *карминного* цвета.

– Дрянь!

– Леля! – всплескивает руками мама.

– Нюта, иди к себе в комнату, – холодно говорит папа. – И подумай там о своем поведении. Простите, Ярослав. Милая, позови кого-нибудь, чтобы это все убрали.

Я молча ухожу из гостиной, ни с кем не прощаясь. И хотя мне ужасно хочется обернуться и посмотреть на Ярослава, я сдерживаюсь и не делаю этого.

На следующий день мне приходится выдержать неприятный разговор с папой, который не кричит и не ругается, а просто говорит мне по-деловому:

– Хочешь, чтобы я и дальше оплачивал твои занятия?

Черт. Удар в самое больное.

Частные занятия с Георгием Исаевичем – это сейчас смысл моей жизни. Прямой путь к мечте, до которой осталось совсем немного. В мае меня ждет собеседование с комиссией из Лондонского университета искусств, и у меня к тому времени должно быть самое лучшее портфолио, плюс одну работу я должна буду нарисовать прямо при них. А из образования у меня только законченная несколько лет назад художественная школа и все.

Георгий Исаевич – лучший. Он заведующий кафедрой живописи и композиции, у него старая квартира в центре Москвы, невероятный талант, огромный опыт, а еще очень неприятная манера критиковать учеников и хамский тон. Но польза от его уроков огромная, так что...

Так что я веду себя как шелковая. Заверяю папу, что такое больше не повторится, иду и прошу прощения сначала у мамы, потом у сестры, а потом – самое сложное! – у Ярослава.

Он снова в нашем доме, заехал забрать сестру в ресторан, и на этот раз выглядит совсем иначе: в песочных брюках и ослепительном белом свитере, который невероятно смотрится с его темными волосами.

Он сидит в гостиной и ждет, пока Леля спустится. И лучшего момента, чтобы извиниться, мне не найти. Не при сестре же это делать?

Я неуверенно делаю шаг в комнату и останавливаюсь на пороге. Чертов Ярослав Горчаков тянет к себе как магнит. Когда он поблизости, получается смотреть только на него.

«Я просто художник», – пытаюсь оправдаться я, когда опять не могу оторвать взгляда от его острых скул и надменно поджатых губ. – «Художник, которому нравится смотреть на красивое».

При виде меня Ярослав еле заметно улыбается, буквально одним уголком губ.

– Раскопала еще какую-нибудь сплетню? – дружелюбно интересуется он.

Я опускаю глаза.

– Прошу прощения, – с ненавистью выдыхаю я. – За вчерашнее.

Он смеется. А потом вдруг встает из кресла, делает шаг ко мне и подцепляет мой подбородок, заставляя посмотреть на него.

– Не знаю, чего ты добиваешься, – ласково говорит Ярослав, и в его ледяных глазах я вижу неприкрытую угрозу, – но советую больше так не делать. Со мной лучше дружить, я ведь скоро стану частью твоей семьи, да, Нюта?

Я вырываюсь из его рук, но фантомное касание твердых горячих пальцев все еще ощущается на моей коже. Так же, как и запах его парфюма, который чувствуется только на таком близком расстоянии. Он горьковатый и ледяной, словно вода в горных ручьях.

– И не зли Лелю, – добавляет Ярослав с усмешкой. – Мне больше нравится, когда она веселая и ласковая.

– Ярик! – кричит откуда-то со второго этажа сестра. – Я уже иду!

Меня моментально сдувает оттуда, я вовсе не хочу видеть ее торжествующий взгляд. Мне достаточно и того унижения, которое я пережила утром, когда просила у нее прощения.

Я искренне считаю, что закрыла для себя эту страницу, но почему-то поздно ночью, услышав шум мотора, я тайком выглядываю в окно и смотрю, как Ярослав целует Лелю около дверей нашего дома.

Мне должно быть все равно. Но почему-то это не так.

Всю следующую неделю я почти не вижу Ярослава, но это не значит, что я о нем не вспоминаю. Стоит мне забыться в мыслях и позволить ручке скользить по бумаге так, как ей вздумается, как на полях тетради по английскому появляются наброски его профиля. Мне хочется его рисовать. И одновременно с этим я его терпеть не могу. Он меня так сильно бесит, что даже слов нет, но мысленно я уже смешиваю краски для того, чтобы передать цвет его глаз.

Промучившись так несколько дней, я наконец сдаюсь. Может, если я все же его нарисую, это перестанет быть такой навязчивой идеей? И хотя я еще не уверена в правильности своего решения, но руки уже достают пастель, и на листе появляются контуры его лица, шеи и плеч. На горле застежка алого плаща, плечи покрыты пластинами доспехов, а на голове шлем, из-под которого выбиваются иссиня-черные пряди волос. Он здесь не похож сам на себя, и только взгляд полностью срисован с реального Ярослава: лед, презрение и властность. Такая, от которой подгибаются коленки, даже если ты сгораешь от ненависти. Это что-то на подсознательном уровне... какие-то первобытные механизмы...

Когда я делаю заключительные штрихи, за окнами уже темно. Я начинала рисовать утром? Или мне кажется? Спину ломит, шея и плечи как каменные, но это первая моя работа, которая мне до безумия нравится.

Вообще-то у меня большая проблема с портретами: они мертвые. Ну это если пользоваться словами Георгия Исаевича. Он все время кричит на меня, что я рисую кукол, а не людей, что в них все идеально, но они не дышат, и что если я этого не понимаю, то я не художник, а маляр. Мне всегда казалось, что он придирается, но вот сейчас я смотрю на свой рисунок и вижу, что он настоящий. В нем есть то самое очарование жизни, которого не было в других моих работах.

Я включаю свет и фотографирую работу, а потом, повинувшись секундному импульсу, отправляю фотографию в общий чат с девочками, с которыми мы подружились еще в художественной школе. Это Таня, которая сейчас работает флористом, и Лия, которая учится где-то в экономическом колледже. Я понимаю, что они вряд ли могут дать профессиональную критику, но мне так по-детски хочется похвастаться своей работой! Тем более что кроме них, мне этот рисунок и правда больше некому показать. Георгий Исаевич вообще никогда не говорит хороших слов и вместо похвалы найдет там тысяча и одну ошибку, а родители... Им все равно. Но я к этому уже привыкла.

Девчонки дружно восхищаются моим рисунком, мне безумно приятно, хотя теперь – увидев его на фотографии – я сама замечаю некоторые недочеты. Стоило сделать более контрастный фон, а еще я плохо прорисовала тень от ресниц, да и вообще было бы лучше нарисовать его в другом ракурсе, и не пастелью, а углем...

Стоп!

Я сжимаю руки так сильно, что ногти впиваются в ладонь. Это навязчивое желание должно было пройти! Пройти!

А не стать еще сильнее...

Я рву рисунок на части и бросаю в мусорную корзину. Удаляю фотографию и из телефона, и из чата.

Мне надо просто найти другую модель.

И все будет хорошо.

Я потягиваюсь, разминая усталые плечи, а потом слышу звонок-напоминку на мобильнике, тяжело вздыхаю и иду в гостиную. Без пяти семь – пора ужинать. Если ты дома, то пропускать ужин нельзя ни под каким предлогом, папа будет очень недоволен.

Этим вечером за столом нас только трое, потому что Лели опять нет дома, кажется, они с Ярославом поехали заказывать кольца. Или платье. Или торт. Или голубей. Или черта лысого.

Мне-то какая разница?

За столом у нас не принято молчать, так что родители поддерживают привычную светскую беседу. Мама рассказывает, что купила билеты на премьеру Гончарова и что это должно быть просто событием в театральном мире, папа сообщает, что Ктенопома леопардовая прижилась в новом аквариуме и надо заказать ей побольше живых рыбок для корма.

– Она что, питается другими рыбами? – ужасаюсь я.

– Нюта, ну это же хищник, – с покровительственной улыбкой объясняет папа. А потом вдруг мрачнеет: – Совсем забыл, девочки. У меня для вас новость: Дмитрий уволился.

– В смысле уволился? – переспрашиваю я.

Дмитрий – наш второй шофер. Родители всегда ездят с Борисом, который работает у нас лет десять точно, а Дмитрий обычно возит меня. Вернее, возил. К врачу, в магазин, на занятия живописью... Лена водит машину сама, а я так и не смогла научиться.

– А вот взял и уволился, кто его знает, почему, – пожимает папа плечами. – Я сказал Галине Петровне, чтобы она начинала искать нового, но это дело небыстрое. Пока она все резюме отсмотрит, пока собеседования проведет...

– Ну ладно, – я вздыхаю, – буду пока ездить на такси, ничего страшного.

– Никакого такси, – резко говорит папа. – Даже не думай. Это слишком опасно.

– Пап? – растерянно говорю я. – Но как же я тогда на занятия по живописи буду ездить? У нас тут до города даже транспорт никакой не ходит.

– Пусть этот твой профессор к тебе ездит.

– Он не поедет. Он занимается только у себя дома.

– Значит, не будешь пока заниматься, только и всего, – пожимает плечами папа, который явно не видит в этом проблемы. – Все равно это сплошные глупости, Нюта. Я тебе сто раз об этом говорил.

– Папа! Пожалуйста! Ты же знаешь, как для меня это важно!

Мама тут же бормочет, что ей надо позвонить, и быстрым шагом выходит из гостиной. Она терпеть не может ссоры и крики. И поддержки от нее ждать не стоит.

Я сначала пытаюсь приводить какие-то разумные аргументы, потом просто кричу, а в конце разговора уже бессильно плачу, свернувшись клубочком в кресле. Но папа непреклонен.

Такси – нет. Опасно.

Борис не сможет. У него и так полно работы.

Другого водителя ищем, а пока сиди дома. Мы же говорили тебе: учись водить. Вот твоя сестра...

Вдруг раздается легкий стук, мы оборачиваемся, и я вижу в дверном проеме улыбающегося Ярослава.

– Я прошу прощения, что влезаю, – говорит он, и я тут же прячу свое заплаканное лицо в ладонях, – но я просто провожал Лелю, а вас так хорошо было слышно... Если нужно куда-то отвезти Нюту, я могу помочь. Мне нетрудно. Мы же будущая семья.

Глава 3. Серо-зеленый

Яр

– Я могу помочь, – говорю я. – Мне нетрудно. Мы же будущая семья.

– Здравствуй, Ярослав, – сдержанно приветствует меня Левинский. Чуть морщится: явно недоволен тем, что я стал свидетелем их семейной разборки. – Очень приятно, что ты предложил свою помощь, я очень это ценю, но не хотел бы затруднять тебя. Это все равно полные глупости, эти ее занятия.

– Что вы, какие затруднения! – широко улыбаюсь я. – Буду рад помочь!

Отец Лели тот еще крепкий орешек. Носится со своими представлениями о том, каким должен быть идеальный муж для его идеальной доченьки, и тут мое веселое прошлое мне совсем не на руку. После того, как эта мелкая Нюта ляпнула про клуб и полицию, мне пришлось выдержать разговор с Левинским один на один, где я его еще раз заверил, что люблю его дочь, что намерения у меня серьезные, а сам я пиздец какой положительный.

Вот, сука, подтверждаю свою положительность.

Заодно и эта мелкая зараза будет под присмотром.

– Что ж, – вздыхает Левинский. – Если для тебя это и правда не так сложно, буду признателен. Как минимум, убережешь меня от этих визгливых истерик, – он выразительно косится в сторону кресла, где сидит свернувшаяся клубочком Нюта. Зареванная и несчастная.

– Договорились, – киваю я.

– Что?! – до мелкой, кажется, только сейчас дошло. Она дикой кошкой выпрыгивает из кресла и обвиняюще смотрит на отца. – Я с ним не поеду!

– Тем лучше, – пожимает плечами Левинский. – Значит, будешь дома сидеть.

– Не буду!

– Тогда поедешь с Ярославом. Если он, конечно, не передумает, глядя на твое отвратительное поведение. Не стыдно тебе, Нюта, такие концерты устраивать?

Она вспыхивает. Ей неловко.

Ну еще бы! Левинский отчитывает ее как маленького ребёнка, хотя она вполне себе взрослая девушка.

Я беззастенчиво разглядываю ее тонкую фигурку. У них с Лелей вообще нет ничего общего. У той шикарная ухоженная внешность, сочные формы: и грудь охерительная, и бедра, и задница такая, что руки сами тянутся шлепнуть. А здесь...

Хм.

Я продолжаю на нее смотреть и почему-то не могу отвести взгляд. А ведь она тоже очень симпатичная девочка, просто совсем иного типажа. И эти стройные длинные ножки, обтянутые узкими брюками, очень даже хороши. И эти разметававшиеся по плечам темные волосы.

– Ну что, Нюта, – напоминаю я о себе, – принимаешь мою помощь?

Она поворачивается ко мне, и ее взгляд вспыхивает от ярости. Красота! Вот глаза у нее, кстати, высший класс. Большие, с длинными пушистыми ресницами, *серо-зеленые*, а когда еще вот так полыхают от злости – так вообще загляденье.

– Принимаю, – едва не шипит она мне в лицо.

– Забыла сказать "спасибо", – напоминает ей отец.

– Спасибо, – выдыхает она. Хотя, судя по ее виду, она бы с большим удовольствием вцепилась мне в глотку.

– Не за что. Запиши мой номер, – небрежно говорю я. – Скинешь свое расписание и адрес, чтобы я знал, когда тебя забирать и куда везти.

– У меня телефон наверху, – качает головой Нюта. – На ужин его нельзя брать с собой.

Я едва удерживаюсь от удивленного «че бля?». У этого Левинского, походу, с головой не все в порядке. Интересно, что он еще запрещает своим дочкам?

Хотя, судя по тому, какая Леля опытная и раскрепощенная, любые запреты, при наличии ума, можно обойти.

Мне в целом плевать, какие порядки в этой семье, потому что моя задача – довести дело до свадьбы, и тогда все получат то, что хотят. Левинский выгодно пристроит дочку замуж и породнится с одной из богатейших семей этого города, Леля родит мне пару детей и будет жить припеваючи без надзора своего строгого папаши, мой отец получит управление заводом, которого не хватало нашей корпорации, а я наконец окажусь в совете директоров, стану полноправным совладельцем, получу свою долю и перестану чувствовать себя зависимым от отца. А то, что у меня вдобавок будет красивая образованная жена, которую и трахать приятно, и в свет вывести не стыдно – это приятный бонус.

Честно говоря, когда отец поставил передо мной условие, что мне надо жениться, и показал список вероятных кандидатур, я ожидал худшего. А Лелю, в целом, я бы и сам мог выбрать: она красотка, с мозгами, умеет себя подать да и сосет хорошо. Чем, кстати, далеко не все женщины могут похвастаться, особенно красивые и из хороших семей.

– Так что? – спрашиваю я у Нюты. – Пойдем за твоим телефоном?

Она неловко кивает.

Мы обмениваемся с Левинским рукопожатием, он еще раз сдержанно меня благодарит – видно, что вполне искренне, и я выхожу вслед за Нютой в прихожую.

– Телефон в комнате, – быстро говорит она и почему-то старательно отводит от меня глаза.

– Я пойду с тобой.

– Не надо!

– А что, – насмешливо интересуюсь я, – ты там что-то прячешь? Или кого-то? Тайного любовника?

Нюта густо краснеет и что-то бормочет себе под нос. Готов поклясться, это что-то матерное.

Я широко улыбаюсь. Черт, а она забавная.

– Вот сюда, – бросает она. – Вверх по лестнице.

Нюта поднимается первая, я иду за ней и без всяких угрызений совести рассматриваю ее сзади. Узкая спинка, ручки такие тонкие, хрупкие, а вот обтянутая узкими брючками попка очень даже кругленькая. Милая девочка! Милая. Не мой уровень, конечно, но...

Она так резко останавливается на предпоследней ступеньке, что я в нее едва не врезаюсь. А потом разворачивается и смотрит на меня сверху вниз. Вид серьезный до безумия, а я вдруг думаю о том, что она приятно пахнет. Чем-то нежным, сладко-терпким и свежим. Как цветы в нашем саду после дождя.

– У меня, – вдруг подрагивающим от волнения голосом начинает она. – У меня... Есть к тебе предложение.

– Внимательно слушаю, – насмешливо приподнимаю я бровь.

– Ярослав, давай ты будешь меня возить не на самом деле, а как будто, – торопливым шепотом предлагает она. – Я днем езжу, папы в это время обычно не бывает дома, а мама вообще не обратит внимания. Я просто буду такси себе вызывать, а папе скажу, что это ты меня отвозил. Ты ведь перед ним так выслуживаешься, да?

От ее последней фразы меня дёргает раздражением. Черт, а Нюта вовсе не такая глупая и недалекая, как ее описывает Леля. Впрочем, я это еще в прошлый раз понял.

И, хотя тот вариант, который она предлагает, действительно проще и удобнее нам обоим, но...

– Нет, – нежно улыбаюсь я. – Слишком большие риски. Так что ты будешь хорошей девочкой и послушно поедешь со мной. Кстати, когда?

– Завтра, – убитым голосом бормочет она. – В пять часов надо там быть. Это в центре. Я напишу адрес.

– Для этого тебе надо как минимум записать мой номер в свой телефон, – замечаю я. – А не стоять столбом на лестнице. Где там твоя комната?

Она молча разворачивается, перешагивает сразу через две ступеньки и подходит к двери, которая от нас по правую руку.

– Здесь подожди, я сейчас принесу телефон, – говорит она, а потом достает из кармана ключ и открывает комнату (там что-то настолько таинственное, что надо прям запирается?). Но едва я успеваю заглянуть внутрь, как перед моим носом захлопывают дверь. Я только успеваю почувствовать резкий запах красок и увидеть огромный стол и лежащий на нем нож (нож?!). Да уж, реально загадочная девчонка.

Через несколько секунд Нюта выныривает из комнаты с телефоном в руках.

– Я готова, – чуть запыхавшись, говорит она. – Диктуй...

Но я бесцеремонно забираю у нее мобильный и сам вбиваю туда свой номер. Там, где имя контакта, пишу – «Яр». Потом набираю себя же и, услышав гудение виброзвонка в кармане, удовлетворенно киваю. Вот теперь все в порядке.

– В пять, ты сказала?

– Да.

– Заеду за тобой в четыре.

И по закону подлости именно в этот момент я слышу за спиной возмущенный вопль.

– В смысле?! Ярик, это что вообще значит?

Я оборачиваюсь и вижу разгневанную Лелю, уже в каком-то домашнем платице, не при параде. Она стоит в проеме двери напротив и выглядит так, будто хочет убить нас обоих.

Что ж, логично было предположить, что у сестер комнаты находятся на одном этаже, правда?

Логично было предположить, что Леля, которая со мной уже попрощалась, будет неприятно удивлена, увидев меня со своей младшей сестренкой, правда?

Логично.

Ладно, разберусь.

– До завтра, – коротко бросаю я Нюте, которая мгновенно, как зверек в норке, исчезает в своей комнате, а потом подхожу к Леле, которая уже начинает что-то визжать, и запечатываю ей рот ладонью.

– Спокойней, малыш, – командую я. – Поговорим?

Не дожидаясь ответа, заталкиваю ее в комнату и закрываю за нами дверь. Здесь все, от пола до потолка, завалено шмотками. Даже сесть негде. Впрочем, я ненадолго.

Убираю руку со рта Лели, и та начинает, задыхаясь от злости:

– Да как ты... Ты с ней...

– Что?! – когда я понимаю, о чем она подумала, то не удерживаюсь от смеха. – Ты считаешь, что я подкатываю к твоей сестренке? Лель, ты ебанулась? Меня просто твой отец запряг отвозить ее на занятия в город. Вот и договаривался с ней.

Зная отношение Лели к Нюте, я справедливо рассуждаю, что такой вариант она примет охотнее, чем если я скажу, что сам решил это сделать. Понятия не имею, почему ее так трясет от сестры, да и знать не хочу, если честно. Это их внутрисемейные разборки, меня они не касаются.

Но даже поданная в такой форме новость все равно выбешивает мою невесту.

– Папа совсем охерел? – шипит она, буквально полыхая от злости. – Я скажу ему, чтобы прекратил маяться ерундой. Ты ей таксист что ли?

– Тиш, малыш, не дергайся, – я притягиваю Лелю к себе и покровительственно целую ее в висок. Она сразу же обнимает меня обеими руками, вжимается в мое тело, а ее дыхание становится тяжелее и чаще. – Сама же понимаешь, что мне нельзя сейчас ссориться с твоим отцом. Если для того, чтобы я мог на тебе через несколько месяцев жениться, мне надо сейчас поработать таксистом для твоей сестры – я готов.

– Ярик, – выдыхает она и тянется к моим губам. – Ярик... Поцелуй меня. Пожалуйста!

Она пахнет каким-то кремом с резкой парфюмерной отдушкой, а ее губы на вкус как мыло. Я целуюсь с ней какое-то время, потом мягко отстраняю.

– Ладно, малыш, я поехал.

– Не хочешь «на дорожку»? – она с намеком кивает на мою ширинку и облизывает губы.

Она хорошо сосет. Но сейчас у меня нет настроения.

Не среди всего этого типично женского бардака с валяющимися повсюду кофтами, лифчиками и еще хрен пойми чем.

– Давай лучше с утра позавтракаем в «Four Seasons», – предлагаю я. – А потом там же в номере останемся. Как тебе такое?

– Не могу, – вздыхает Леля. – Я завтра буду весь день занята. Я пообещала маме помочь с организацией благотворительного бала. Ну не эту идиотку же ей просить, правда?

– Тогда послезавтра, – я снова целую ее, и в этот раз это гораздо приятнее, привкуса мыла уже нет. – Сама выберешь, куда мы сходим.

– Хорошо, – она обвивает мою шею руками, смотрит в глаза и шепчет. – Как я рада, что мы поженимся, Ярик.

– Это будет выгодно нам обоим, – напоминаю я, и Леля кивает.

Еще раз целую ее на прощание и выхожу в коридор. Дверь к Нюте плотно закрыта.

И почему-то при мысли о том, что надо будет завтра везти эту своенравную молчаливую девчонку в город, а потом еще и обратно, я чувствую не раздражение, а приятное предвкушение.

Глава 4. Кобальтовый

Без десяти четыре я уже стою перед воротами нашего дома. На плече у меня сумка с материалами, а в руках папка с работами. Несмотря на то что я должна была принести на занятие минимум три портрета, портрет там лежит только один, причем мой собственный, потому что он еще хоть как-то получился. Все остальное, что я вчера и сегодня утром рисовала, не выдерживает никакой критики, и нести это на строгий суд Георгия Исаевича – самоубийство чистой воды.

Без двух минут четыре я вижу выворачивающую из-за поворота машину. Красивая – редко встретишь такой насыщенный синий цвет, *кобальтовый*. Ярослав ее себе под цвет глаз подбирал? Впрочем, он такой сноб, что я не удивлюсь.

– Привет, Нюта, – он подъезжает прямо ко мне, опускает стекло и сияет улыбкой на миллион. – Отличный день, правда? Почти весна.

– Привет, – сухо говорю я, игнорируя его остальные слова, и сажусь на заднее сиденье, хотя мне уже предупредительно открыли дверь рядом с водителем.

Внутри очень чисто, приятно пахнет кожей и почему-то вишней. Ненавязчивый дорогой запах, который очень идет и машине, и самому Ярославу.

– Не хочешь сесть рядом со мной? Будет проще разговаривать, – замечает он, садясь за руль и пристегиваясь. – До города ехать минимум полчаса, и это если в пробки не встрянем.

– Не хочу.

– Садиться рядом или разговаривать?

– Ни то, ни другое, – отрезаю я. – Может, уже поедем?

– Ты чего сегодня такая злая? – усмехается Ярослав, с любопытством глядя на меня в зеркало заднего вида.

– Я всегда злая, – холодно говорю я.

И вдруг понимаю, что хотя сказала это не всерьез, но во многом это правда. Учитывая мой непростой характер и нелюбовь к людям, нет ничего удивительного в том, что в школе я так ни с кем и не подружилась. Удивительно скорее то, что две подруги у меня все-таки есть – Таня и Лия, которые из художки. Но, возможно, слово «подруги» слишком громкое для наших отношений. Мы просто видимся с ними пару раз в год и периодически общаемся в чатике – вот и все. И я никогда не обсуждаю с ними личные вопросы, мне это кажется... странным?

В общем, я не мастер общения. Иногда мне жаль, что я не умею вести себя так, как моя старшая сестра – весело болтать и мило улыбаться вне зависимости от того, что у тебя внутри. Именно поэтому родители перестали меня брать на всякие мероприятия типа благотворительных балов или ужинов с папиными друзьями, потому что я там, по выражению мамы, «все портила своим кислым лицом».

Что ж, хорошо, что у них есть Леля. Иначе и показать миру было бы некого. Я как образцовая дочь им явно не удалась. Мама вначале очень радовалась, когда я проявила интерес к рисованию, стала таскать меня на всякие выставки, а заодно и на балет с оперой, но быстро выяснилось, что и тут я ни к месту. Никакое искусство кроме изобразительного меня не интересовало, а на выставках модных современных художников я не хвалила картины, как было принято, а честно высказывала свое мнение. Ну а что мама хотела от девятилетнего ребёнка?

В общем, после того как я на выставке картин, которые рисовала жена директора парфюмерных магазинов, громко сказала, что «тетя совсем не умеет рисовать», мама меня больше с собой никуда не брала. Но, честно говоря, не то чтобы меня это сильно огорчило.

– Всегда злая? – весело переспрашивает Ярослав. – Сказал бы я, в чем может быть причина, но ты слишком маленькая для таких шуток.

– Мне девятнадцать, – зачем-то говорю я.

– Хочешь сказать, что уже взрослая? – поддразнивает он меня и нагло ухмыляется.

Я ничего не отвечаю и отворачиваюсь, глядя в окно. Да, будущий муж Лели очень обаятельный парень, он может и камень очаровать, но меня это не касается. Кроме того, я прекрасно помню холод в синих глазах, угрозу в низком голосе и понимаю, что все его поведение сейчас – игра.

Непонятно только зачем.

Я молчу. Проходит минут десять или даже двадцать, и Ярослав делает еще одну попытку.

– А у кого ты занимаешься рисованием? – светским тоном спрашивает он. – Тебе нравится?

Я молчу.

– Знаешь, – Ярослав расслабленным жестом отбрасывает со лба волосы, – тебе бы не помешало вести себя немного поприветливее. Я, кажется, уже говорил тебе, что нам с тобой лучше дружить.

– А я, кажется, говорила тебе уже, что я не хочу разговаривать.

– Вообще? Или со мной?

– И вообще, и с тобой. Особенно с тобой.

– А вот это уже любопытно, – замечает он. Из его голоса моментально исчезает веселая расслабленность, сменяясь холодным интересом. – И что же я успел тебе сделать, Нюта? Или твоя старшая сестренка права, и причина в банальной зависти?

Ничего себе, как он умеет.

Переход от легкой, похожей на флирт болтовни к такому выпадку настолько резкий и неожиданный, что я на мгновение теряюсь.

И не нахожу ничего лучшего, чем сказать правду.

– Окно моей комнаты выходит на сторону крыльца. И когда вы там с моей сестрой стояли и обсуждали меня, окно было открыто и я все слышала. Насколько я помню, ты называл меня странной и двинутой на голову, а еще говорил, что я завидую Леле, потому что она умница и красавица, а я совсем наоборот. Видимо, уродина и тупица? Не помню уже точно, как там было. Вот так. Нужны еще причины, по которым я не собираюсь с тобой дружить ни сейчас, ни в обозримом будущем, или этих вполне достаточно?

В машине повисает вполне ожидаемая пауза. Я готова к чему угодно: к тому, что Ярослав начнет все громко отрицать, к тому, что он разозлится, к тому, что вообще остановит машину и никуда меня не повезет, но он внезапно пожимает плечами:

– Ну прости. Но вообще, когда подслушиваешь чужие разговоры, надо быть готовой к тому, что можно услышать про себя не самые приятные вещи. Эти слова не были предназначены тебе.

– Но они были про меня! А говорить в глаза одно, а за спиной другое – это лицемерие.

– Это жизнь, Нюта. Нормальная взрослая жизнь.

Я молчу и смотрю в окно.

А что тут скажешь? Я думала, ему хоть неловко будет, а он вообще не видит никакой проблемы в том, что тогда говорил. Значит, и правда считает меня странной и некрасивой.

Ничего нового, Леля постоянно меня так называет, но почему именно сейчас так жутко обидно?

Неужели мне было бы легче, если бы он начал все отрицать и говорить, что я просто все не так поняла? Неужели мне зачем-то нужно, чтобы Ярослав – чужой жених, абсолютно неважный мне человек – думал обо мне хорошо?

Бред. Полный бред.

– Вот этот дом, – сухо замечаю я, видя, что мы уже подъезжаем к нужной улице. – Третий подъезд. И ждать меня не надо, я с тобой обратно все равно не поеду. Противно.

– Какие громкие слова, – иронично замечает Ярослав, тормозя у третьего подъезда. – Хочешь, еще раз извинюсь?

– Не хочу, – буркаю я, подхватываю сумку и папку с рисунками и выскакиваю из машины до того, как он успевает мне открыть дверь.

Квартира Георгия Исаевича встречает меня уже привычным запахом красок и старого одеколона. Я разуваясь на коврике, связанном из разноцветных тряпичных полосок, и прохожу внутрь – в огромную, очень светлую комнату, где целых три окна со старыми рамами, но идеально прозрачными стеклами. Здесь очень пусто: только мольберты и стол, заваленный тряпками, палитрами, стаканами с кистями, карандашами и прочими рабочими принадлежностями. Островок хаоса в море абсолютного порядка.

Сам учитель ждет меня в комнате, в коридор он принципиально не выходит никого встречать, просто заранее открывает входную дверь – и все.

– Здравствуйте, Георгий Исаевич, – робко здороваюсь я.

– Добрый день, Левинская. Чем меня сегодня порадуешь?

Я открываю папку и достаю работы, а он хмурится и наклоняется, внимательно разглядывая мои рисунки. Седые волосы падают ему на лоб, он их отбрасывает нетерпеливым, каким-то мальчишеским жестом, совсем не вяжущимся с его возрастом и статусом.

– Где еще портреты? Я просил три, если мне память не изменяет.

– У меня не получилось, – признаюсь я. – Но зато есть лишний натюрморт.

Натюрморт Георгий Исаевич откладывает в сторону без особого интереса, но зато придирчиво рассматривает мой автопортрет.

– Мазня, – наконец выносит он вердикт.

У меня падает сердце. Еще ни за один портрет я не получала от учителя другой оценки. Всегда только эта – слово «мазня», сказанное презрительным тоном.

– Но почему? Здесь все хорошо по пропорциям, – пытаюсь возразить я. – А цветовое решение тут...

– Ты себя рисовала? – обрывает меня учитель.

– Да.

– Это не ты. Это какое-то дистрофичное страшилище, таким только детей пугать.

– Ну простите. Что в зеркале увидела, то и нарисовала, – бормочу я уязвленно.

Георгий Исаевич смотрит на меня с жалостливым высокомерием.

– Сегодня рисуешь меня. Набросок углем, схватывай только черты и характер.

– Простите, я, кажется... не брала уголь...

– Мой возьми, – он кивает на хрустальную вазочку, похожую на те, в которых подают конфеты. Только у него там лежит рисовальный уголь. – Вперед, Левинская. Времени мало.

Через сорок минут Георгий Исаевич рассматривает мой эскиз и опять кривит губы.

– Здесь нет характера, – выносит он вердикт. – Ты опять рисуешь кукол. Не людей.

– Но я вас так вижу, – пытаюсь оправдаться я.

– Ни хрена ты не видишь. И художник из тебя как из дерьма пуля, – резко отвечает он. – Ты даже не стараешься.

– Я стараюсь!

– Неправда.

После занятия я выползаю из квартиры преподавателя абсолютно раздавленной. Последний час мы разбирали портретную технику, Георгий Исаевич показывал мне, как он сам работает с углем, но сквозь это все сквозило его недовольство и раздражение.

Мазня, мазня, мазня...

Я никак не могу понять, что он от меня хочет. Хотя и честно пытаюсь.

Но ведь, когда я рисовала Ярослава, у меня получилось? Или мне это просто показалось?

Погруженная в свои мысли, я выхожу из подъезда и вздрагиваю от неожиданности, когда вижу стоящую на дороге ярко-синюю машину.

Он не уехал?

– А ты долго, – дружелюбно замечает Ярослав, распахивая водительскую дверь. – Ты всегда по два часа занимаешься? Я взял тебе кофе, но он уже остыл, наверное.

– Я не поеду с тобой обратно, – выпаливаю я, взбешенная его спокойным тоном. – Я же сказала! Я вызову себе такси!

Ярослав смотрит на меня с усмешкой, и в его глазах я вижу неприкрытый интерес. Опасный интерес, от которого внутри меня что-то екает. На солнце его растрепанные с тщательной небрежностью волосы отливают иссиня-черным, словно вороново крыло, и он сейчас настолько красив, насколько же и ужасен. Он буквально излучает силу, властность, самоуверенность и какую-то истинно мужскую безжалостность.

– Ты забавная, когда злишься, – тянет он. А потом скучающим голосом добавляет: – Вернешься обратно на такси, сдам тебя отцу. В машину садись. Быстро.

Мне ужасно хочется в него чем-нибудь бросить, но я делаю долгий выдох, сжимаю зубы и сажусь на заднее сиденье. В салоне пахнет не кожей и вишней, как до этого, а свежим кофе. А еще как будто цветами.

Мои предположения подтверждаются, когда мы выезжаем из двора, и Ярослав вдруг жестом фокусника берет с соседнего кресла букет и передает мне его, одной рукой продолжая рулить.

– Прими в качестве извинения, Нюта, – говорит он. – Будем считать тот случай досадным недоразумением. Окей?

Цветы очень красивые – нежные тюльпаны и нарциссы. Это самый настоящий весенний букет.

Но я не испытываю ни малейшего сожаления, когда открываю окно и швыряю его на обочину дороги. Прямо в грязный, не до конца растаявший снег.

Глава 5. Берлинская лазурь

Яр

– Что делаешь? – весело спрашивает меня в телефонной трубке голос моей невесты.

«Придумываю, чем бы таким завоевать расположение твоей младшей сестренки», – хочется сказать мне, но я, конечно же, оставляю эту мысль при себе.

– Работаю, малыш, – прохладно говорю я. – Много дел.

– Вечером в Театре Наций премьера, билетов в продаже давно нет, но маме передали два приглашения в ложу, пойдем?

– Сегодня четверг, – напоминаю я. – И я везу твою сестру на занятия. Так что прости, малыш, не получится.

– Обойдется разок без своих занятий, – шипит Леля. – Семейный бюджет целее будет. Seriously, ты знаешь, сколько стоит один урок у этого чокнутого профессора? Этой инфантильной дурочке, конечно, плевать, она ведь считает себя талантливой и до денежных вопросов не опускается, но я-то в курсе! Понятно, что деньги у папы есть и тратить он их может, как хочет, но блин, Ярик! В случае Нюты это просто выкидывание бабла в пустоту! Лучше бы на благотворительность отдал!

Я молчу, никак не подтверждая и не опровергая Лелины слова.

Я не то чтобы на стороне колючей злобной Нюты, которая принимает мою помощь с таким видом, как будто ее это бесконечно оскорбляет, но внезапно мне хочется поинтересоваться у моей невесты, не считает ли она напрасной тратой семейного бюджета свою коллекцию туфель, к примеру. Сколько их там у нее? Штук сто, не меньше?

Или фирменные тряпки, которые на ней всегда разные. Еще ни разу не повторилась. И белье у Лели всегда самых шикарных марок, всегда самый охрененный шелк и самое дорогое кружево. Не, лично мне все нравится, но просто... носить все это и упрекать сестру занятиями живописью? Как-то это мелко, что ли.

Нюта тоже имеет право пользоваться семейными благами, разве нет? А ведь она одевается всегда очень просто. Даже скромно. Интересно, белье у нее такое же скромное или...

Так, стоп. Стоп, Яр. Думать о трусах младшей сестренки своей невесты – это уже дно какое-то.

Она и так слишком много места в моих мыслях занимает последние дни. Упрямая свое-нравная девчонка, которая швыряется из окон моими букетами, игнорирует купленные ей кофе, чай, какао, пирожные (ладно хоть в меня этим всем не стала бросаться) и не отвечает на мои вопросы. Согласен, неловко вышло, что она подслушала, как мы с Лелей ее обсуждали, но разве не пора уже закопать топор войны? Я и так дважды в неделю трачу по полдня только ради того, чтобы возить ее на эти занятия. Это не достаточная плата за несколько обидных слов?

– Ярик! – раздраженно врывается в мои мысли Леля. – Ты со мной?

– Да, малыш, прости, тут звонок по параллельной линии был, – вру я.

– Пожалуйста, Ярик, ну давай сходим в театр! Мы уже два дня нигде не были! – капризно просит она. – Забей ты на эту дурочку, ну вот правда. Папа точно не обидится.

– Леля, – жестко обрываю я это канюченье. – Ты, кажется, что-то путаешь. Я не мальчик для того, чтобы сопровождать тебя на всю эту бесконечную окологкультурную хрень. Хочешь потрахаться, приезжай ко мне часов в восемь вечера. Я как раз закончу с твоей сестрой, еще немного поработаю и буду свободен. А менять договоренность с твоим отцом только из-за твоего каприза я тем более не собираюсь.

– Ой, прости, Яр, я совсем не это имела в виду! – быстро перестраивается она. Ее голос становится низким, густым и соблазнительным. – Просто... соскучилась по тебе очень. И у

меня такой новый комплект... абсолютно прозрачный... Хочешь увидеть, как он на мне смотрится?

– Приезжай в восемь, малыш, и все мне покажешь, – повторяю я уже мягче. – Приедешь?

– Приеду, – шепчет Леля в трубку. – Ужасно по тебе соскучилась, Ярик.

И в этот момент ее голос звучит искренне. Мне уже не в первый раз кажется, что Леля ко мне привязывается больше, чем стоило бы. Ведь у нас изначально был договор, что в будущем после брака мы не будем друг другу мешать заводить связи на стороне. Да, пока нам с ней классно в постели, но я же себя знаю. Мне быстро надоест.

Впрочем, пока не надоело. Леля довольно горячая, умелая и изобретательная.

– Вот и договорились, – усмехаюсь я. – Буду ждать вечера, малыш.

А потом, поддавшись непонятному импульсу, вдруг спрашиваю:

– Слушай, а что хоть твоя сестра рисует? Ты видела ее картины?

– Видела пару раз, давно еще, – фыркает она. – Мазня полная. А сейчас она рисует и сразу рвет их, чтобы никто не увидел. Еще бы в камине сжигала, ну! Бред полный. Да пойми, Ярик, наша Нюта просто играет в свою гениальность. Надо же чем-то привлекать к себе внимание, раз внешностью природа обделила.

Не обделила.

Нюта – странная, тут я с Лелей готов согласиться. У нее неудобный характер, тут тоже плюсю. Она говорит что думает, не пытается произвести хорошее впечатление, замкнута и необщительна, но...

Но с внешностью у нее точно все в порядке, хоть на первый взгляд этого и не скажешь.

У Нюты хрупкие запястья, длинные изящные пальцы, блестящие темные волосы и изумительные глаза, похожие цветом на мраморную крошку. И в этих глазах столько вызова и упрямства, что я уже сам не могу понять, зачем я так упорно пытаюсь наладить с ней отношения.

Ради своего будущего брака?

Или...

Или для чего-то еще?

Нюта

Опять четверг. Он наступает слишком быстро, и я не успеваю морально подготовиться. Ни к тому, что меня опять будут ругать и называть бездарностью, ни к тому, что мне опять придется сидеть в машине Ярослава, вдыхать ледяной горьковатый запах его парфюма и смотреть на его красивые сильные руки, уверенно лежащие на руле.

Но это меньшее из зол, хуже всего, что он не сдастся и продолжает свои попытки добраться до меня, расшевелить, заставить улыбаться, заставить ему отвечать...

Зачем ему это нужно?

Я не понимаю.

И не хочу понимать. Он мне никто.

– Привет, Нюта, – все та же широкая обаятельная улыбка. На нем дорогой, отлично сидящий костюм цвета *берлинской лазури*, он безумно идет к его глазам. – Поехали?

– Привет, – холодно отвечаю я и сажусь на заднее сиденье.

Всю прошлую неделю меня там ждал какой-нибудь сюрприз: стаканчик кофе, коробка пирожных, мягкая игрушка, шелковый шарф... Ярослав и сегодня не оставляет своих попыток, но в этот раз его выбор более удачен – красивый дорогой скетчбук с магнитной застежкой. Такого добра у художников много не бывает, и подарки мне это кто другой, я бы с удовольствием приняла подарок, но...

– Спасибо, не надо, – говорю я, обращаясь к его затылку. – Я это не возьму. Верни в магазин или подари кому-то другому.

– Прогресс, – спокойно замечает он.

– В смысле? – не понимаю я.

Ярослав оборачивается и весело ухмыляется. Его синие глаза смотрят на меня с интересом.

– Ты первый раз сказала «спасибо», Нюта, – поясняет он. – Значит, понравилось?

– Нет! И прекращай уже это! – резко говорю я. – Что за бред с этими подарками? Ты меня купить пытаешься или что? Можешь расслабиться, я не собираюсь папе на тебя жаловаться. Ты для него и так идеальный зять, так что оставь меня уже в покое! Пожалуйста!

– А если нет? – с холодным любопытством спрашивает он.

– Тогда... тогда сестре скажу, что ты ко мне пристаешь! – выпаливаю я. – Понял?

Ярослав громко и искренне смеется.

– Я к тебе пристаю? Серьезно? А можно поподробнее, когда это было и где? Где-то в твоих неприличных фантазиях, да, Нюта?

Мои щеки вспыхивают от смущения и злости одновременно.

– Оставь! Меня! В покое!

– Я подумаю об этом, – кивает он и больше до самого конца поездки не говорит мне ни слова, а меня всю трясет от негодования. Как же сильно хочется стукнуть его! Вывести из равновесия! Заставить сбросить эту маску абсолютной уверенности в себе и увидеть, что же за ней прячется!

Впрочем... может, это не маска. Может, Ярослав такой и есть.

В квартире Георгия Исаевича привычно и успокаивающе пахнет красками и одеколоном, и я искренне надеюсь, что сегодня заслужу хоть какую-то похвалу. Ведь я постаралась подготовиться как следует и принесла целых три портрета! Обязательным условием было рисовать реальных людей, тех, которых я видела своими глазами, поэтому выбор моделей был не такой уж большой. На моих портретах сегодня папа, мама и сестра.

Георгий Исаевич кивает и внимательно рассматривает мои работы. А потом просто вздыхает, сует мне их обратно и пожимает плечами.

– Я ничего не могу сделать, Левинская. Ты опять рисуешь то же самое. Куклы, куклы, куклы... Здесь нет людей. Это не люди. А ты не художник. Не приходи больше, это просто трата моего времени и твоих денег. Рисуи пейзажики, они у тебя недурно выходят. Все, свободна.

– В смысле? – растерянно говорю я, все еще ничего не понимая. – Но... у нас же урок! Мы же даже еще не начинали... Георгий Исаевич!

– Дверь там, Левинская, – дёргает он сухим подбородком в сторону прихожей. – Всего хорошего.

Я не помню, как оказываюсь на лестнице, не помню, как спускаюсь вниз и выхожу из подъезда. Меня трясет от рыданий. Слезы текут по лицу, их так много, что весь мир расплывается от них. Меня наизнанку выворачивает от обиды, от жалости к себе, а главное, от осознания, что я правда не художник. У меня такое чувство, что все, что я так тщательно от себя скрывала, о чем боялась даже думать, всплыло на поверхность. Я так и знала, что я бездарность! Я так и знала, что никуда не годюсь!

Права была Леля, во всем права.

Я никто. Никто, никто, никто!

Я вдруг понимаю, что уже стою на улице перед подъездом, а в руках у меня папка с моими работами. Нет, не с работами – с мазней!

Я открываю папку, вытаскиваю рисунки, папку отшвыриваю в сторону, а сами рисунки начинаю яростно рвать на части. Это все ерунда, это все мусор, это все никогда не станет чем-то по-настоящему ценным...

– Нюта! Нюта, блядь. Да что с тобой?!

Я ослеплена своей яростью, своей истерикой и поэтому не сразу понимаю, почему у меня не получается двигать руками. И только через пару секунд доходит: это потому, что Ярослав

стоит сзади, крепко обхватив меня со спины, и удерживает мои запястья. Я тяжело дышу, приходя в себя. А под ногами, в грязи, валяются мои смятые и порванные рисунки.

– Что с тобой, Нюта? – повторяет Ярослав. – Тебя кто-то обидел?

– Нет, – с трудом выдавливаю я из себя. Нос распух от слез, горло перехватывает, и слова звучат глухо и гнусаво. – Никто. Поехали домой.

– А твои занятия? Ты же только зашла? – ничего не понимает он.

– Их не будет, – смеюсь я истерично. – А знаешь почему? Потому что я бездарность!

Это слово словно кнопка, которая включает во мне новый поток слез. Я опять плачу, чувствуя, как меня снова начинает трясти, но внезапно сильные руки разворачивают меня к себе и притягивают к широкой крепкой груди, и я с упоением реву, уткнувшись в дорогую гладкую ткань пиджака, окунувшись в горьковатый ледяной аромат парфюма, смешанный с теплым запахом мужского тела. Горячая ладонь успокаивающе гладит меня по спине, и на секунду я вдруг чувствую себя так, как ни разу в жизни не ощущала – в полной и абсолютной безопасности.

Глава 6. Угольно-черный

– Пойдем в машину, – спокойно предлагает Ярослав, когда мои рыдания начинают стихать. В груди все еще больно, но меня хотя бы уже не трясет от злости и обиды. И слезы перестали бежать. Кончились, наверное.

Но возникла другая проблема.

Теперь, когда я уже немножко успокоилась и вернулась в реальность, мне становится ужасно, безумно, просто невероятно стыдно. Настолько сильно, что я бы сейчас с удовольствием провалилась сквозь землю.

Господи, ну какое я позорище! Устроила истерику перед Лелиным женихом, орала, психовала, испачкала ему весь пиджак своими соплями и слезами...

Вот теперь он точно будет уверен, что я странная и больная на голову.

– Прости, пожалуйста, за этот концерт, – я делаю шаг назад, высвобождаясь из его рук, и неловко шмыгаю носом. Смотреть на Ярослава я боюсь. – Да, конечно, пошли.

В ответ тишина, и мне все-таки приходится поднять на него глаза.

Он стоит и смотрит на меня, и в его взгляде я вдруг замечаю что-то непривычное, другое, не тот лед и холод, который там всегда был.

– Но есть зато и хорошая новость, – с натушной веселостью говорю я. – Тебе больше не нужно будет меня возить! Нет занятий – нет проблемы, правда?

Но Ярослав не поддается на мои нелепые попытки свести все к шутке, он наклоняется и подбирает с земли мою папку и порванные рисунки.

– Это в мусорку, – торопливо говорю я. – Не трогай, я сама выброшу.

Но Ярослав плевать хотел на мои слова, вместо этого он идет к машине, кладет на капот папку, а сверху разорванный пополам портрет Лели. Разглаживает смятую бумагу, складывает вместе обе половины, какое-то время смотрит на рисунок, а потом поворачивается ко мне.

– Это ты рисовала?

– А кто еще, – вздыхаю я. – Ярослав, очень прошу, выбрось, пожалуйста, эти работы. Они мало того что плохие, так еще и грязные.

Он снова смотрит на меня так, будто пытается во мне что-то разглядеть. Что-то спрятанное внутри меня, не на поверхности. На меня никто так никогда не смотрел.

– Я и не думал, – медленно и словно удивленно говорит он, – что ты реально так круто рисуешь. Думал, ты просто...

Ярослав не заканчивает мысль, просто слегка пожимает широкими плечами.

– Нет, – яростно мотаю я головой. – Я не...

– Леля бы такой портрет у себя в комнате повесила, я уверен, – перебивает меня Ярослав. – Ты ее тут прям как королеву красоты нарисовала.

– Потому что она такая и есть.

– Да ладно тебе, не настолько, – Ярослав смешливо фыркает, а потом снова возвращается к рисункам. Смотрит на остальные. Внимательно смотрит. И делает это явно не из вежливости. Неужели ему и правда интересно? – Охренеть как круто ты рисуешь, конечно. Ты реально талант.

– Скажи это моему преподавателю, – горько улыбаюсь я, но как ни странно, в груди от его слов возникает какое-то теплое чувство.

Это приятно.

Меня редко кто-то хвалит. А от него такая похвала и вовсе неожиданный подарок.

– Надо сказать? Я могу, – соглашается Ярослав. – Без проблем. Называй номер квартиры. Поднимусь и скажу, что он старый слепой дебил, который не может разглядеть настоящий талант.

– Только попробуй! – я не на шутку пугаюсь, потому что кто его знает этого Ярослава. Вдруг и правда пойдет и такое скажет. – Георгий Исаевич очень хороший художник! Он разбирается, он на работы смотрит профессиональным взглядом, понимаешь? Ты смотришь как обычный зритель, а он...

– Ну ведь картины и рисуются для обычных зрителей, разве нет? – справедливо возражает Ярослав. – Или ты типа для критиков должна рисовать?

– Нет, но... – я всплескиваю руками, потому что внутри столько эмоций, столько мыслей, которые я не знаю, как выразить. – Но портреты должны вызывать чувства! А у меня... Георгий Исаевич говорит, что я рисую кукол, а не людей. А мне надо научиться рисовать настоящие портреты! Они мне нужны для портфолио, потому что я хочу поступить в Лондонский университет искусств! Это моя мечта там учиться! Я хочу этого сильнее всего на свете, понимаешь!

Я вдруг слышу сама себя и понимаю, что уже перешла на крик, поэтому замолкаю и делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

Какой смысл говорить о том, чего уже никогда не будет? Мне просто надо с этим смириться.

– Отвези меня домой, – тихо прошу я. – Пожалуйста.

Но Ярослав не двигается с места.

– И ты собираешься сдать? – спрашивает он недоверчиво. – Вот так просто сдать? Мне показалось, у тебя есть характер, Ньюта. Серьезно вот так вот все сейчас бросишь и поедешь домой?

– А что я могу сделать?! Он меня выгнал.

– Ну не знаю, – Ярослав пожимает плечами. – Типа... еще одну попытку?

Еще одну попытку.

Еще одну.

Сердце начинает биться так сильно, что в ушах шумит, а щекам становится жарко.

– Я могу, – начинаю я, но голос меня подводит и срывается. Приходится сделать выдох-вдох и начать сначала. – Я могу... тебя сейчас нарисовать?

– Нарисовать? – кажется, Ярослав удивлен, но по его лицу тут же скользит усмешка. – В обнаженном виде, я надеюсь?

– Дурак!

Он смеется и выглядит довольным, как мальчишка. А потом пожимает плечами

– Почему нет? Я согласен. Но не обещаю, что смогу сидеть неподвижно и вообще буду хорошей моделью. Я ни разу никому не позировал.

– Это неважно, – искренне говорю я.

Я уже несколько раз рисовала его исключительно по памяти, а теперь, когда его лицо будет перед моими глазами – это будет гораздо легче, даже если он будет вертеться.

Я прошу его сесть на место водителя, положить руки на руль и смотреть вправо, чуть повернув голову. Сама я устраиваюсь на пассажирском сиденье и быстро шарюсь в своих запасах. Акварель, несколько тюбиков масла... но я же не буду сейчас рисовать красками? Беру коробку с углем. Осталось найти бумагу, потому что я ее обычно с собой не таскаю: беру у Георгия Исаевича. Можно, конечно, нарисовать с другой стороны старых портретов, но они грязные и порванные...

Решение приходит быстро. Тянусь к заднему сиденью и беру оттуда скетчбук, который я так и не взяла от Ярослава. Открываю, трогаю бумагу – да, шероховатая, нормально для угля. Не идеально, конечно, пигмент достаточно быстро осыпется, но пойдет.

– Спасибо за подарок, – замечаю я. – Пригодился.

– Я так и знал, – ухмыляется Ярослав и поворачивается ко мне.

– Не двигайся! – сурово прикрикиваю я. – Сиди ровно.

– А ты злая, когда рисуешь!

– Я всегда злая.

– Я бы поспорил, – снова ухмыляется он, но заметив мой взгляд, фыркает и поднимает руки. – Все, все. Сиж, молчу.

А я рисую – *угольно-черные* линии появляются на бумаге, складываясь в черты лица Ярослава. Непослушная прядь волос над высоким лбом, острые скулы, чувственный излом губ, жесткий прищур глаз, красивые сильные руки, расслабленно лежащие на руле. От него веет силой, и эта сила притягательна. Он самоуверен и самолюбив – и это тоже каким-то образом отражается в моем наброске.

Я останавливаюсь в тот момент, когда Ярослав со словами «Прости, но я реально больше не могу» потягивается, словно огромный кот. Крутит затекшей шеей, чуть морщась, разминает ее, и у меня на секунду возникает безумное желание потянуться ладонями к его плечам и сделать массаж, чувствуя под пальцами крепкие горячие мышцы.

Ох черт...

– Дай посмотреть, – Ярослав то ли просит, то ли приказывает, а я с сомнением протягиваю ему скетчбук.

– Это только набросок, – извиняюще говорю я. – Сколько успела.

– Да ладно, неважно, я же... – он вдруг замолкает, уставившись на рисунок. И молча изучает его еще какое-то время, пока я нервно кручу в перемазанных пальцах уголь.

– Ну как? – наконец не выдерживаю я.

– Сложно сказать, – медленно тянет Ярослав. Он выглядит... удивленным? Растерянным? Шокированным? – Это... Это неожиданно. Ты отдашь мне этот рисунок? Я заплачу.

– Нет, ты что, какие деньги. Забирай так. И это не полноценная работа, так, набросок просто, – почему-то оправдываюсь я.

– Заберу, – кивает Ярослав. – Обязательно заберу. Потом. А сейчас иди и покажи это своему преподу. И если после этого он не возьмёт тебя обратно, он тупой и слепой.

– Ты думаешь? – почему-то шепотом спрашиваю я.

– Уверен.

Я и сама знаю, что он на моих портретах получается не так, как все остальные, но вдруг этого все равно недостаточно? Вдруг мне опять скажут, что это все мазня, а а бездарность?

Ярослав смотрит на то, как я сижу, зажав скетчбук в руке, и не двигаюсь с места, а потом неожиданно мягко спрашивает:

– Пойти с тобой, Нюта?

– Не надо, – мотаю я головой. Но мне почему-то все равно становится легче. Я беру скетчбук, раскрытый на странице с наброском, беру сумку с кистями и красками и выхожу из машины. Очень боюсь позвонить в домофон, потому что не понимаю, что скажу учителю, но внезапно мне везет: прямо передо мной из подъезда выходит женщина с пестрой сумкой и пускает меня внутрь.

Я быстро взбегаю по ступенькам, останавливаюсь перед дверью и с безумно колотящимся сердцем стучу. Звонка у Георгия Исаевича нет.

Он открывает не сразу и смотрит на меня с холодным удивлением.

– Что-то забыла, Левинская?

– Да, – с неожиданной для себя смелостью говорю я и протягиваю ему свой набросок. – Забыла показать вам эту работу.

Георгий Исаевич хочет что-то сказать, но тут его взгляд падает на резкие черты Ярослава, нарисованные углем, и он замолкает. Смотрит на рисунок так долго, что я начинаю нервничать, а потом вдруг удовлетворенно кивает.

– Недурно, Левинская. Очень недурно. Зайди.

Я растерянно разубаюсь на тряпичном коврике, машинально вдыхаю привычный запах масла и одеколона и иду вслед за преподавателем в большую комнату.

– Ты сама видишь разницу? – спрашивает он.

– Вижу.

– А в чем она?

Я молчу.

Он вздыхает, но не раздраженно, а скорее снисходительно.

– Здесь, – Георгий Исаевич тычет пальцем в портрет Ярослава, – живой человек. Я вижу его недостатки, понимаешь? Вижу, что он жесток, вижу, что он самолюбив, но одновременно с этим обаятелен. Такой портрет хочется разгадывать, рассматривать, потому что в нем есть жизнь. А до этого ты мне писала только внешность людей, к тому же еще изрядно ее приукрашивая. Я уже решил, что ты ничего не умеешь.

– А как же автопортрет? – робко возражаю я.

Ну ладно, остальные, но себя я точно не приукрашивала.

Георгий Исаевич хмыкает.

– А твой автопортрет наоборот состоит из одних недостатков. Так тоже не бывает, Левинская. Жизнь всегда цветная, а не черно-белая. Бери уголь, покажу, что в этом наброске можно улучшить.

– То есть вы меня берете обратно? – неверяще переспрашиваю я.

– А что, разве это непонятно? – поднимает он бровь.

– Понятно, – торопливо соглашаюсь я. – Очень понятно!

А потом быстро подбегаю к окошку и нахожу взглядом Ярослава. Почему-то я так и думала, что он будет стоять на улице. Он поднимает голову, видит меня, и я показываю ему большой палец. Он кивает мне и улыбается. И только потом садится обратно в машину.

Глава 7. Золотисто-желтый

– Я не смогу в следующий четверг, я должен быть на встрече с советом директоров, – говорит мне Ярослав, когда я привычно залезаю к нему в машину и устраиваюсь на переднем сиденье.

Да, после той истории с моей истерикой и его наброском я стала ездить впереди, рядом с ним. И мы даже немного разговариваем, пока едем в город и обратно. О чем? О всякой ерунде. О погоде, о дороге, о Лондонском университете, куда я хочу попасть. О себе Ярослав рассказывает мало, больше слушает меня и иногда шутит – метко, немного зло, но очень смешно. И я, хоть и пытаюсь сдержаться, но все равно смеюсь. И вижу, как он в этот момент на меня смотрит. Так, словно трогает взглядом...

Но об этом лучше не думать. Совсем.

Наверное, если бы меня кто-то спросил о наших отношениях, я бы сказала, что мы немного... подружились. Потому что сложно сохранять дистанцию с человеком, об пиджак которого ты размазывала слезы и сопли. И с тем, кто похвалил и поддержал тебя – хотя вовсе не обязан был этого делать.

– Жаль, что ты не сможешь, – искренне вздыхаю я, потому что Георгий Исаевич очень плохо относится к отменам и переносам занятий. У него слишком плотный график, а желающих прийти к нему на уроки гораздо больше, чем мест в его расписании. – Но ничего не поделаешь. Ты и так не должен меня возить.

– Водителя еще не нашли?

– Пока этап собеседований. Папа говорил, что, может, через пару недель уже кто-то будет.

– А почему бы Леле тебя разок не отвезти?

Я не выдерживаю и смеюсь.

– Это что, шутка такая?

– Почему? Я серьезно. Она ведь может тебя выручить.

– Не может.

– А если я ее попрошу?

– Только попробуй! – серьезно предупреждаю его я. – Леля очень ревностно относится к своим вещам, так что в итоге достанется и тебе, и мне. Ей и так не очень нравится, что ты меня возишь, а если ты еще и просить за меня начнешь...

– Я не вещь, – холодно замечает Ярослав.

– Прости, конечно, ты не вещь, я просто плохо сформулировала, но... ты ведь понял, о чем я?

– О том, что вы терпеть друг друга не можете? – усмехается он. – Понял, не дурак. А почему, кстати, у вас такая вражда?

Я растерянно замираю и пытаюсь подобрать слова, потому что... Ну это не вражда. Вражда – это когда оба человека терпеть друг друга не могут, а в случае с сестрой это скорее односторонняя неприязнь, потому что я в целом против нее ничего не имею. А вот она меня не любит и никогда не любила. Почему? Не знаю.

Может, мама как-то неправильно делила внимание между нами? Потому что я помню, как мама довольно много возилась со мной, пока я была маленькой: книжки мне читала, рисовала со мной, возила в магазин за игрушками. И помню, как Леля постоянно кричала, что я чужая и что меня подбросили. Одна раз мама ее за это сильно наказала, и с тех пор Леля эти слова стала говорить мне шепотом и тайком от родителей. А я ревела, бросалась на нее и начинала ее бить.

– Мама, Нюта опять ко мне лезет! – вопила Лена.

– Это она первая начала!

А мама устало вздыхала и говорила с укором: «Девочки, не ссорьтесь, ну вы же сестренки».

И если эти детские ссоры я хоть немного могу понять, то что сейчас Леля со мной не поделила – непонятно. Очевидно ведь, что именно она – гордость семьи, а я как раз та самая белая ворона, которую будут рады сплавить хоть в Лондон, хоть в Африку, лишь бы глаза не мозолила. Потому что родителей я разочаровала по всем фронтам: школу закончила с тройками, в университет не пошла, светскую жизнь не веду, зато все свободное время сижу и рисую картинки, которые никому не показываю.

Я вдруг понимаю, что Ярослав все еще ждет от меня ответа, поэтому уклончиво говорю:

– Просто мы очень разные. Далеко не все сестры и братья дружат, это нормально.

– Ну я в семье один, так что я далек от этого, – усмехается Ярослав.

Я стараюсь не смотреть на него, потому что иначе есть опасность залипнуть взглядом на этих широких плечах, на крепкой смуглой шее и на невероятной красоты руках, которые так уверенно лежат на руле. Я не знаю, почему он меня завораживает. Зато прекрасно знаю, что это неправильно – вот так смотреть на будущего мужа своей сестры.

– Слушай, – меняет он тему, – а почему ты сама не водишь? Это же несложно и удобно. Не будешь ни от кого зависеть.

– У меня есть права, – признаюсь я. – Но я так и не смогла сесть сама за руль.

– Почему?

– Боюсь.

– Что ж, Нюта, я думаю, я могу тебе в этом помочь, – ухмыляется Ярослав. – Преодолеем твой страх.

– В смысле?

– Буду тебя учить водить. И сразу говорю, что отказы не принимаются.

– Нет, спасибо, – качаю я головой. – В этом нет никакого смысла. Есть вещи, которые не созданы друг для друга. Например, я и машина.

– Кто тебе такое сказал, Нюта?

– Я сама знаю. Ярослав, ну правда...

– Зови меня Яр, – вдруг просит он и улыбается так, что у меня дыхание перехватывает. – А то я себя как на совещании чувствую. Ярослав, а что вы думаете о росте прибыли в следующем квартале? Ярослав, принести вам кофе?

Я не выдерживаю и смеюсь.

– Хорошо! Яр, так вот с вождением...

– Это свобода, Нюта, – перебивает меня он. – Свобода и независимость. Только представь! Ты в любой момент можешь сесть за руль и поехать куда хочешь. И никому не надо отчитываться, никого не надо ни о чем просить...

Звучит сказочно. Вот только... Я же помню этот сковывающий все тело ужас, когда я оказывалась за рулем. Права мне, конечно, выдали, но всем было ясно, что умение водить к ним, к сожалению, не прилагалось.

– Я боюсь, – тихо признаюсь ему я. – Ужасно боюсь.

– Свобода и независимость никогда не достаются бесплатно, Нюта, – замечает Яр, и звучит так, как будто он говорит сейчас о чем-то своем. – Неужели они не стоят того, чтобы преодолеть какой-то маленький страх?

– Я не знаю...

– Ну вот сегодня и попробуем, – обещает он.

– Сегодня?! Зачем сегодня? – у меня аж голос перехватывает, и я непроизвольно сжимаю пальцами ручку своей сумки. До побелевших костяшек сжимаю. – У меня сейчас занятие, а потом надо домой, и ты наверняка занят... давай в другой раз, ладно?

– В следующий четверг я не могу, – напоминает Яр. – Поэтому лучше сегодня. Закончишь рисовать свои шедевры, и поедem покатаемcя. У меня как раз есть время.

– Так почему бы тебе не посвятить это время своей невесте? – неожиданно резко спрашиваю я. – При чем тут я? Зачем тебе со мной возиться?

В машине повисает молчание.

– Мне высадить тебя, развернуться и поехать к Леле? – спокойно интересуется Яр. – К чему это сейчас было, Нют? Что за истеричный выпад?

Я молчу, потому что и сама не знаю. Вырвалось как-то.

Мне не нравится, что он мне начинает нравиться. И насколько сильно мне хотелось бы провести с ним лишнее время, настолько же сильно я этого делать не хочу.

– Считай, что я просто о тебе забочусь, – наконец говорит Яр, так и не дождавшись от меня ответа. – Как старший брат. Ну или друг.

– Ты хочешь, чтобы мы подружились? – спрашиваю я напряженно.

– Мне кажется, мы уже, – он с улыбкой смотрит на меня. – Разве нет?

Нельзя дружить с парнем, у которого такие невозможно синие глаза и широкие плечи. Это понятно даже такой неопытной дурочке, как я. Но при этом ничего кроме дружбы между нами и быть не может, поэтому я старательно запрещаю себе все опасные мысли в сторону Яра.

Надо сказать ему, что я не хочу никаких уроков вождения.

Надо сказать ему, что если об этом узнает сестра, она закопает нас обоих на заднем дворе дома.

Надо сказать ему, что...

– Хорошо, – неожиданно говорю я. – Давай после моего занятия. Только недолго.

– Почему недолго? – тут же интересуется Яр. Его напору, реально, можно только позавидовать.

– Потому что для меня это ужасный стресс, – честно говорю я.

– Все будет хорошо, – обещает он и белозубо улыбается. Выглянувшее вдруг из-за облаков совершенно весеннее, *золотисто-желтое* солнце высвечивает темные пряди его волос, вызолачивает кончики длинных ресниц. Яр морщится, тянется за солнечными очками и надевает их, сразу становясь похожим на кинозвезду. – Все будет хорошо, я буду рядом!

Но как выясняется через два часа, то, что он находится рядом – только добавляет мне напряжения.

Я неловко усаживаюсь на место водителя в его роскошной машине и в стопятидесятый раз спрашиваю:

– Ты уверен? А вдруг я ее стукну? Это же не автошкола, у тебя нет дополнительных педалей, как у инструктора, чтобы меня остановить.

– Именно поэтому я позволю себе немного больше, чем инструктор, okay? – ухмыляется Яр и придвигается ко мне ближе. Я чувствую горьковато-холодный аромата его парфюма, а под ним теплые нотки его личного запаха. Мужского. И это меня вдруг смущает до безумия.

– Руки лучше на руль класть вот так, – он, как будто не замечая, как мне неловко, накрывает мои ладони своими и располагает их на руле так, как нужно. У него очень горячие руки и крупные ладони, намного шире моих. И, может, мне только кажется, но это прикосновение длится дольше, чем нужно. Может, всего на пару секунд, но...

– Поехали, Нюта, – командует Яр. – Сделаем круг, вернемся на эту парковку и потренируемся еще в маневрах.

– Ага, – я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить бешено колотящийся пульс. Руки мокрые от волнения и неприятно скользят по рулю, поэтому я быстро вытираю ладошки об джинсы и возвращаю их обратно.

– Едем? – а вот Яр вообще не нервничает, хотя я бы на его месте с ума сходила от страха за себя и за машину.

– Едем. – Я откашливаюсь. – Э-э-э, а можешь мне напомнить, где педаль газа, а где тормоза? Газ справа, тормоз слева, или наоборот?

– Ты же шутишь, да? – слегка напряженным голосом уточняет Яр.

Я мотаю головой, а он тяжело вздыхает.

– Так. Кажется, это будет сложнее, чем я думал.

Глава 8. Алый

Я нажимаю на педаль газа (все-таки она справа, да), но, видимо, делаю это слишком сильно, потому что машина резко стартует с места.

– Мягче, Нют, – командует Яр, пока я судорожно стискиваю руль. – Это тебе не убитые тачки из автошколы, это ауди. Тут даже легкого нажатия достаточно. Да, вот так, умница.

Но я себя умницей не чувствую совсем. Мне страшно, и я хочу домой.

– А теперь выезжай на дорогу. Сейчас, вон та тачка проедет и сразу за ней. Давай!

Трясущими руками я выворачиваю руль и с горем пополам оказываюсь на своей полосе. И еду. Ох господи, я еду! Еще бы знать куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.